

Данила Крылов

Поэт. Родился в Липецке в 2001 году. Студент МФТИ. Публиковался в журналах «Звезда», «Новый мир», «Наш современник» и в альманахе «Поэт года». Живет в Долгопрудном.

И каждый, на время заброшенный в мир...

* * *

Во всеобъемлющее море...

Федор Тютчев

В неизмеримость черных вод...

Валерий Брюсов

Учись у природы, у тучек, у рек,
Набивших оскомину видов, просторов:
Она потому пребывает вовек,
Что в принципе не избегает повторов.
Но ты скрупулезно проводишь учет
Всех мнимых отсылок: ты скажешь, к примеру,
Что Брюсов у Тютчева тему крадет,
Заимствует образ, дыханье, манеру...
Что ты упрекаешь его за обман —
Ума в том немного, но много гордыни:
Пусть оба в безмерный плывут океан,
Но Брюсов — в абстрактный, а Тютчев — на льдине.
Нет разнообразья? Положим. Не суть.
Так мир обновляется: сдвигом, находкой,
Ничтожным смещеньем, всегда по чуть-чуть —
Достаточно, впрочем, для жизни короткой.

* * *

Мы — два грозой зажженные ствола...

Вячеслав Иванов

«Мы — два грозой зажженные ствола».
Вернее, три: он в старшую влюбился,
Потом она скончалась — он женился
На дочери. Такие вот дела.
«Два молнию похитивших орла».
Как водится, любовь, что изначально
Возвышенна, кончается печально:
Сонетом или повестью. Тела,
Не зная зла и мук душевной мути,
Недолго добираются до сути:
«До ярых нег змеиного узла».
Не душ, а тел союз — увы! — не вечен,
Не важно, целит в сердце или в печень
«Одной судьбы двужалая стрела».

* * *

В. Фролову

Безоблачным вечером в дачном поселке
Бывает особенным вид из окна:
Огромным шершавым яйцом перепелки
Пылает на небе рябая Луна...
Свирепствует вирус, враждуют державы,
И кто-то практичный преследует цель,
Но Солнце с утра окликает дубравы,
И в этом отчетливо слышен Равель...
А если опять несогласные с лирой
Укажут на черное мира нутро
И станут смеяться над лирой — парирую
Луной-перепелкой, зарей-болеро!

* * *

И солнце, и море, и горы, и ветер,
И Вертер, и вилочка с пикулем...

Чего ты не вывел, слепой геометр,
Своим растопыренным циркулем?
И в высохшем теле, свернувшемся в жгут
От голода в годы агонии,
Гремели и жили сто двадцать минут
Седьмой Ленинградской симфонии.
И Цезарь зарезан был, чтобы Шекспир
Задумался вдруг и за драму сел,
И каждый, на время заброшенный в мир,
Напрасно угадывал замысел.

* * *

Тот дождь, как поблажка,
Обрушился вдруг.
Пуская баклажка
Ловила жемчуг.
Те тучи в печали
Устали висеть —
Трясли и качали
Жемчужную сеть.
Коричневый сеттер
Носился, скуля.
И ветер, и ветер
Трепал тополя.
И Аргусом смелым
Все тысячи глаз
Зеленым, то белым
Глядели на нас.
Баклажка дрожала,
Баклажка ждала,
И горло разжала,
И перлы пила.
Пока не иссякли,
Ловила, спеша.
Не так ли, не так ли,
Как Бога — душа?